

КАЛЕЙДОСКОП

Три мальчика в зелёный выходной
Затеяли игру с калейдоскопом,
А лето пахло тмином и укропом
И звякало уздечкою стальной.

Три мальчика в картонную трубу
Разглядывали пыльную дорогу
И рощицу, и пёструю сороку,
И близкого бессмертия тропу.

Саранки первобытные цвели
И муравьи справляли новоселье.
Три мальчика рассматривали землю —
Извечные хранители земли.

И каждый видел что-нибудь своё,
Звеневшее то облаком, то сталью...
А над судьбою каждого — за далью
Мерцало и кричало вороньё.

Хотелось им над Родиной кружить,
Разворошить заоблачные дали,
Но серые кукушки подсчитали,
Кому и сколько в этом мире жить?

...И вот земля ударила в набат.
Такой смертельной не было кручины...
Три мальчика — безусые мужчины —
Из тишины пришли в военкомат.

Их ждали автоматы и окоп,
Им выдали по новенькой пилотке...
Три мальчика погибли на высотке.
Где прятали в траве калейдоскоп.

НА МОГИЛЕ АРТИЛЛЕРИСТА

Рассвет над Родиною чист,
Берёзы лист, осины лист...
В могиле спит артиллерист.
Осенний лист, весенний лист.

Лежат осколки в недрах круч,
Шлифует их подземный ключ,
А сквозь лохмотья рваных туч
Осенний луч, весенний луч...

Звезда. Погоны. Пистолет.
Артиллеристу двадцать лет!
Истёрся в кителе билет
На 23-е, на балет...

В окопе чёрном — чёрный дым.
Артиллерист, ты стал седым,
Хрипел: — На небо угодим,
Но высоты не отдадим!

О, сколько здесь убито вас!
Бессмертных сколько стало вас!
Россия, как иконостас
Из голубых и синих глаз!

КРАСНЫЙ КЛЕВЕР

Я мест достигну незнакомых,
В лесок берёзовый войду
И в мире птиц и насекомых
На красный клевер упаду.

И вдруг увижу близко-близко:
В березняк,

За рядом ряд,
Стоят немые обелиски
И звёзды алые горят.

На этом клевере когда-то
Под миномётный долгий вой
Перебинтовывал солдата
Другой солдат полуживой.

На этом клевере бордовом,
В закат уткнувшись головой,
Лежали в поле подо Львовом
И капитан, и рядовой.

Они лежали на скатёрках
Из травяного полотна,
И клевер тот на гимнастёрках
Горел, как будто ордена.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Я наделён умением — успевать.
Была война, я вовремя родился,
В традиционной зыбке очутился,
Чтоб бессердечно к матери взывать.

Что было или не было со мной,
Не помню я, но знаю — это было!
Была война... Страну ещё знобило,
Но пахло невоенною весной.

Она пришла, как всадник на рысях,
А вместе с ней — отцовская походка...
Огнями опалённая пилотка
Упала, зацепившись за косяк.

Был поздний вечер. Мы уже легли.
Отец ловил нас поцелуем жадным,
И три медали ярко и державно
Над нами, несмыслёнными, цвели.

На свете мир! А в мире — торжество!
О, как звучала музыка Победы!
И песни те, которые пропеты
В тот день и в честь рожденья моего.

Бывое прикасается ко мне.
Из сердца не уходит лихолетье...

Негромкое моё тридцатилетье
К Победе приурочено, к войне!

ЛОЖКА

Помыты банки из-под молока,
Их чистый свет колеблется у полки.
На отчий дом смотрю издали
И вижу всё — от ложки до иголки.

Та ложка появилась до войны,
Потом с отцом отсутствовала долго.
На ней ещё отметины видны
От острого немецкого осколка...

Когда врасплох ударил пулемёт,
Отец мой из-за бруствера взгляделся
В зарытый, скрытый на высотке дот
И проворчал: — На Бога не надейся!

Со смертоносной связкою гранат
Отец пополз, испытывая долю.
И друг его — такой же лейтенант —
За ним, рискуя, двинулся по полю.

Они ползли к фашисту напрямиком,
А ложка из отцовского кармана
Торчала и внимательным глазком
Смотрела на Петра и на Ивана.

Рванул снаряд, как тяжкий барабан.
Ах, милые! Вы сделали оплошку!
Затих осколком срезанный Иван,
Другой осколок шмякнулся об ложку.

Смотрю на ложку. Вот её изъян:
Следы-бороздки, а на донце — дата...
Спасибо, ложка, ложка-ветеран,
За то, что ты уберегла солдата!

* * *

*Сергею Жигалину,
фронтовому разведчику,
моему учителю рисования*

Мы рисовали чучело бекаса,
Тяжёлую керамику и хлеб,
Художники графического класса,
Которым было по пятнадцать лет.

Мы постигали формы совершенство,
Искали блики и полутона...
Какое напряжение и блаженство,
Когда рисуешь церковь из окна!

Учитель наш... Ты радовался цвету,
Учил любить соборы, старину
И проводил внеклассную беседу
О «Галерее Дрездена» — в войну.

Я помню ту пожухлую бумагу...
Стучит мелок, и сапоги скрипят,
И на груди медали «За отвагу»
У нашего учителя звенят.

Мне видятся то улицы, то флаги,
То наше общежитье перед сном,
И веточка — живая — на бумаге,
И — раненая ветка — за окном.

СТОРОЖ

В нём живут пустые коридоры,
Тьма ночная, чуткая, как рысь.
В нём живут смоленские просторы,
Те, что в детстве Родиной звались.

Сторож долго и неслышно ходит
В беспросветной, серой полумгле.
То в сторожке боль свою находит,
То в разбитом немцами селе.

А село он строил честь по чести
В довоенном памятном году,
В городе отыскивал невесте
Дорогую длинную фату...

Но война загромычала мглисто,
Догорели избы в темноте,
И невесту плотника фашисты
На её повесили фате...

Покупаю два сырка на сдачу
К чёрному, убойному вину
И сижу со сторожем, и плачу,
Проклиная давнюю войну.

Как в землянке, полыхает плошка,
Валит снег над городом густой,

И обвита бедная сторожка
Скрученную белую фатой.

НА СТАНЦИИ ЗИМА

Во мне засела боль сама:
Я — пацаном — однажды видел
Избитых, пьяных инвалидов
На шумной станции Зима.

Вы видели, как инвалиды пьют?
И как они пьянеют?
И как потом с остервененьем
Друг друга костылями бьют?

Вы видели того — без ног —
На маленькой тележке?
Он грёб руками и не мог
Грести быстрее и легче.

Толпа взирала на него
С жестоким любопытством,
Как на живое существо,
Что корчится под пыткой.

А фронтовик толкал асфальт,
Плечом толпу отвергнув...
Он был войною исковеркан,
Но в нём жила живая сталь...

Она звенела в тишине
В той страшной середине века...
Тогда,
как будто бы —
по мне! —
Проехало полчеловека...

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Изьела души, искромсала,
Как будто ржавчина — война.
Висит у каждого вокзала
Беззвучным взрывом тишина.

В той тишине, глухой, как вата,
Навеки запечатлены
Тот эшелон и те ребята,
Что не вернулись из войны.

Тот эшелон, как на экране,
Завис в крошечной тишине.
И пули той июньской ранью
Летят пока что в стороне.

Там — раскалённые, как тигли,
Снаряды не разорвались.
Сердце — осколки не достигли
И бомбы воем не зашлись.

Не слышно стука эшелона,
Но жив тот Первый Эшелон!
Он до последнего вагона
В солдатских снах запечатлён.

В нем горьких песен не допели
И не допили кипяток.
Горит, не смятый в канители,
В петлицу вставленный цветок.

Солдату долго будет снится
Цветок дарившая рука...
Цветок в могиле сохранится,
Окаменеет на века.

Пройдут года. Наступит дата,
Когда взойдёт у трёх дорог
Над прахом Русского Солдата
Высокий каменный цветок!

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Среди горящих в поле знаков,
Среди разбитых взрывом свай
Он был повсюду одинаков —
Передний край, передний край.

За ним в штабах следили в оба.
Высотка, мельница, сарай
На карте значились особой:
Там проходил передний край.

Нависла смерть над отчим краем,
И здесь пути не выбирай...
Но мы всё чаще выбираем
Передний край, передний край.

Полк основной и полк резервный
Шли напрямиком в небесный рай...
Из пулемётов бьёт по нервам
Передний край, передний край.

Передний край завис над Летой...
Из сердца как ни выдирай,
Останется кровавой метой —
Передний край, передний край.

